

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

ИЗДАНИЕ ШВЕЙЦАРСКАГО ОТДѢЛА „СВОБОДНАГО СЛОВА“

Ежемесячное обозрѣніе подъ редакціей П. Вирюкова.

<p>Адресъ редакціи Adresse : PAUL VIRUKOFF Ancienne route de Vernex, 49. Onex près Genève, Suisse.</p>	<p>Dépôts : M. Elpidine Libraire-Éditeur. R-te St. Julien, Carouge (Genève) Société Nouvelle de librairie et d'édition Rue Cujas 17, Paris.</p>	<p>Prix d'Abonnement : Un an Fr. 5. 00 6 mois " 2. 50 3 mois " 1. 25 Chaque numéro " —. 50 Съ пересылкой въ Россію 11 fr.</p>
---	--	--

СОДЕРЖАНИЕ: Отъ редакціи. — 2. Изъ международной жизни: а) Кто виноватъ въ трансвальской войнѣ. *Кн. Г. М. Волконскаго.* б) Въ тюрьмѣ передъ казнью. *А. Ш.* в) Мнѣніе о войнѣ нѣмецкаго рабочаго, письмо ко Л. Н. Толстому. г) Бѣлые рабы. д) Статистика преступленій во Франціи. — 3. Изъ русской жизни: а) Подвиги русской арміи въ борьбѣ съ чумой въ Манчуріи. б) Какъ обращаются въ Россіи съ заказными письмами. — 4. Духоворы: а) Биографическія свѣдѣнія о Л. В. Калмыковой. б) Духоворы въ Канадѣ. — 5. Къ вопросу о непротивленіи злу насиліемъ, възъ письма Л. Н. Толстого. — 6) Неужели и Галлифѣ социализмъ? *Домела Ньювенюйсъ.* Переводъ съ французскаго П. Б—ой. — 7. По поводу рабочаго вопроса, письмо въ редакцію Б. — 8. Спиноза и Библия *Матью Арнольда.* Переводъ съ англійскаго П. Б—ва. — 9. Возраженіе, письмо въ редакцію Х. — 10. Отвѣтъ редакціи. П. Вирюкова. — 11. Письмо въ редакцію. — 12. Объявленія о пожертвованіяхъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Вмѣсто передовой статьи я обращаюсь къ читателямъ, прося извиненія за опаздываніе „Свободной Мысли“. Я не могу сказать, что этого больше не будетъ, а напротивъ, опасаюсь, что запаздыванія эти будутъ продолжаться. Дѣло въ томъ, что съ началомъ весеннихъ садовыхъ и огоро, такъ работъ, которымъ я придаю большую какъ экономическую, такъ и нравственную важность, почти не остается времени на умственные работы.

Для того чтобы войти въ нормальный порядокъ, мы намѣрены слѣдующій майскій номеръ выпустить вмѣстѣ съ іюньскимъ въ іюнѣ въ двойномъ размѣрѣ.

П. Вирюковъ.

ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

КТО ВИНОВАТЪ ВЪ ТРАНСВАЛЬСКОЙ ВОЙНѢ?

Въ прекрасномъ письмѣ Гр. Л. Н. Толстого, помѣщенномъ въ 1 № Вашей газеты выставлены тѣ дурные инстинкты и ложные принципы, которыми обуславливаются войны.

Но мнѣ кажется, что бороться со зломъ должно не только воздѣйствіемъ на стороны нашего характера, но и обличая тѣхъ, которые укореняютъ въ насъ эти заблужденія, открыто заявляя себя защитниками тѣхъ трехъ принциповъ, о которыхъ говоритъ Графъ Толстой и на которыхъ зиждется современный строй государственной жизни.

Напр., Королева Викторія имѣла полную возможность не допустить этой войны и всеильные англійскіе биржевики не подняли бы народъ противъ престарѣлой королевы. — Чемберленъ велъ дѣло къ войнѣ, попирая международные обычаи и конвенціи. — Война эта принесла пользу лишь богатѣйшимъ классамъ Англии. — Эта постыдная война терпится правительствами Европы благодаря англійскому золоту, разсыпанному въ южныхъ ея государствахъ и благодаря тому, что царствующіе дома находятся въ родствѣ съ фамиліей Кобурговъ. — Война эта обусловлена тѣмъ, что Англія и Германія, порѣшивъ на ней, не допустили Трансваль къ Гаагской конференціи, на которой прусскій полковникъ разъяснилъ человечеству Евангеліе Германскаго Императора, — то самое, что проповѣдуется въ Китаѣ. — Англійскому правительству приходится все время лгать; только этою цѣною удастся ему

вести за собою англійскій народъ на это позорное дѣло. — Не будь духовенство и пресса въ рукахъ правительства, а послѣднее — въ рукахъ биржевиковъ, то войны этой не было бы.

Устроить грабежъ подъ сѣнью Гаагской конференціи, доказываетъ, сколько нужно лжи въ наши дни для обезпеченія подобнаго разбоя; а это, въ свою очередь заставляетъ думать, что общественная совесть на сторожѣ; еще нѣсколько совѣстныхъ усилій — и войны станутъ неосуществимыми, ибо народы поймутъ, кто и куда ихъ ведетъ.

Ен. Г. М. Волковскій.

ВЪ ТЮРЬМѢ ПЕРЕДЪ КАЗНЬЮ

(Изъ Мадлярской газеты).

Разговоръ двухъ бозровъ Оранжевой республики, приговоренныхъ къ разстрѣлію за измену англійскому правительству.

1-й Бозръ: Чтожь горевать другъ, убьютъ такъ убьютъ, видно такова наша судьба, быть разстрѣлианными.

2-й Бозръ: Да, къ сожалѣнію это такъ.

1-й Бозръ: Да, такъ, но какже все это произошло? Англичанинъ Робертсъ велитъ отдавать оружіе, иначе грозитъ разстрѣлять...

2-й Бозръ: А нашъ президентъ Штейнъ велитъ не сдавать оружія, иначе онъ разстрѣляетъ!

1-й Бозръ: Средняго исхода не было.

2-й Бозръ: Да, не было, а такъ какъ большинство сдали ружья старая, негодная, хорошія же зарыли въ землю, то оба хотятъ насъ разстрѣлять.

1-й Бозръ: Меня собственно безнокоить первое разстрѣліе, второе не важно.

2-й Бозръ: Я все таки предпочелъ бы, чтобы бозрекія пули покончили съ нами. Тогда дѣло осталось бы между своими.

1-й Бозръ: А меня безнокоить совѣмъ не то.

2-й Бозръ: А что же?

1-й Бозръ: Разстрѣла я не боюсь, по крайней мѣрѣ узнаю, что это такое. Но....

2-й Бозръ: Говори, что же?

1-й Бозръ: Меня безнокоить то, что не смотря на все это насъ называютъ... т. е. нашу страну....

2-й Бозръ: Знаю, что хочешь сказать! То, что мы называемся *свободными гражданами*, а наша страна — *свободнымъ государствомъ*!.....

А. Ш.

МНѢНІЕ О ВОЙНѢ НѢМЕЦКАГО РАБОЧАГО

(Письмо ко Льву Николаевичу Толстому).

Мюльгеймъ анъ деръ Руръ (Пруссія).
16 марта 1900.

Многоуважаемый графъ.

Позвольте мнѣ какъ человѣку изъ простаго народа и другу истины и справедливости обратиться къ Вамъ съ полнымъ довѣріемъ.

Я только что, случайно, прочелъ критику на вашъ романъ „Воскресеніе“, который, къ сожалѣнію, я не могу приобрѣсти, такъ какъ мы, раненные войны, получаемъ большою частью очень скудную пенсію.

Я старый инвалидъ, имѣю къ Вамъ, графъ, большую просьбу, которая исходитъ изъ самаго искренняго убѣжденія, изъ самой глубины души моея: напишите хорошую книгу противъ войны, съ такимъ заглавіемъ: война и война.

Я участвовалъ въ двухъ кампаніяхъ, служивъ въ прусской гвардіи, въ 1866 и 1870 гг. и проклиная до глубины души войну, ибо она сдѣлала меня не въ мѣру несчастнымъ. Насъ раненыхъ вонновою вознаграждаютъ въ большинствѣ случаевъ такъ ничтожно, что приходится стыдиться за то, что были когда то патріотами. Я напримѣръ получаю за мою прострѣленную правую руку 80 пфенинговъ, — прокормленіе одной тончей собаки стоитъ дороже, — а я вѣдь годами страдалъ отъ моей раны.

Уже въ 1866 г. я участвовалъ въ войнѣ противъ Австріи и видѣлъ достаточно ужасовъ при Траутенау и Кениггрецѣ. Въ 1870 г. меня опять призвали въ качествѣ запаснаго и тогда я получилъ, при взятіи С. Привата вышеупомянутую огнестрѣльную рану въ правую руку, вслѣдствіе чего навсегда лишился доставлявшаго мнѣ средства къ жизни ремесла строителя. Съ тѣхъ поръ я уже не могъ болѣе матерьяльно поправиться. Патріотическое одуреніе вывѣтрилось и отъ инвазива-вонна хотять избавиться — какъ отъ нищаго — милостыней. Вотъ благодарность отечества!

Любимая мною моя супруга лишила себя жизни четыре года тому назадъ изъ боязни понасть на старости лѣтъ въ богадѣльню. Конечно эта мысль мучила ее уже нѣсколько лѣтъ и такъ засѣла у ней въ головѣ, что она стала душевно больною.

Съ тѣхъ поръ какъ смерть отняла у меня милую супругу, я часто въ тишинѣ единенія размышлялъ о суетѣ человѣческаго су-

ществованія. Въдъ такой бракъ, какъ мой, не прекращается со смертью избранной, ибо, опираясь на любовь, переживаетъ смерть и могилу. А страданіе все таки чрезвычайное, для того, кто остался живъ. Только сознание нравственной чистоты и стремленіе къ лучшему, сохранило меня отъ подобной же участи.

Пусть считаютъ меня чудакомъ люди, бѣгающіе по свѣту, подобно дресированнымъ животнымъ, неспособные на другую мысль кромѣ какъ о мамонѣ, я все таки скажу, что чувствую въ себѣ божескую мысль о мирѣ, такъ хорошо выраженную въ нагорной проповѣди.

Поэтому прошу васъ, почтенный графъ еще разъ, напишите хорошую книгу противъ войны. По моему глубочайшему убѣжденію, война есть ничто иное, какъ игра и торгъ великихъ міра сего и тщеславно сильныхъ — счастьемъ народовъ.

И какіе ужасы переживаетъ на войнѣ! никогда не забуду стонъ, потрясающихъ до мозга костей. Люди никогда не желавшіе другъ другу ничего худого, убиваютъ одинъ другого какъ звѣри; а изолгавшіяся души примѣниваютъ сюда еще милостиваго Бога! Моему сосѣду пуля разбила челюсть. Бѣдняга, онъ былъ въ бѣшенствѣ отъ боли, бѣгалъ кругомъ какъ сумасшедшій. При палящемъ солнечномъ жарѣ, не было и капли воды, чтобы освѣжить его ужасную рану. Нашъ командиръ, пронирицъ Фридрихъ, записалъ тогда не безъ основанія въ свою записную книжку: „Война — это пропія надъ всякой благой вѣстью“.

И такъ еще разъ прошу васъ, почтенный графъ, напишите хорошую книгу противъ войны.

При вашемъ необыкновенномъ духовномъ дарованіи, это былабы великолѣпнѣйшая картина, такая, какую со временъ Канта никто не написалъ и право, трудъ этотъ былъ бы достоинъ вашего успѣха.

Хотя я только ~~простой~~ бѣдный человѣкъ, но могу спокойно сказать, что съ дѣтства вдохновляла меня истина и справедливость и онѣ были мнѣ утѣшеніемъ и спасли меня отъ окончательной погибели во время моихъ невыразимыхъ страданій. Должно замѣтить еще, что во всю жизнь мою, я никогда не былъ наказанъ; вообще, все что я здѣсь писалъ вамъ, суцная правда и во всякое время я могу это доказать.

Если имѣешь возможность заглянуть въ жизнь и дѣла купцовъ, то удивляешься, съ

какой утонченностью эти люди стараются прехитрить другъ друга; оно забавно даже, если бы не было такъ грустно, видѣть всѣ тѣ религіозно-патріотическія ужимки, съ которыми эти бѣдные люди другъ друга обманываютъ и при этомъ требуютъ самую строгую честность отъ бѣдняка...

Вотъ здѣсь звучитъ слово „Воскресеніе“ могучимъ колоколомъ изъ лучшей страны. Да дастъ Богъ истины и праведности, чтобы этотъ великій день насталь скорѣе!

Многоуважаемый графъ! Для людей истинно благородныхъ, проникнутыхъ духомъ истиннаго христіанства, Евангелиемъ человеколюбія, для такихъ людей не существуетъ преградъ національностей, имъ противна религіозная и національная ненависть, посредствомъ которыхъ сильные мерзавцы ловятъ народныя массы!

Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ мы въ 1866 г. при Кенигретцѣ на мѣстѣ сраженія, вмѣстѣ съ австрійцами мирно ѣли нашу скудную пищу. Было трудно повѣрить, что эти миролюбивые люди нѣсколько часовъ тому назадъ хотѣли убивать другъ друга.

Какъ я уже упомянулъ, я бѣднякъ, который долженъ тяжело работать, чтобы прокормить себя и въ юности моей я получилъ самое скудное школьное образованіе и потому прошу васъ, будьте ко мнѣ снисходительны.

И такъ прощайте, почтенный графъ. Да сохранитъ васъ Богъ на долго въ живыхъ и да защититъ васъ и убережетъ во благо страждущаго человѣчества.

Этого желаетъ вамъ васъ искренно любящій

Іоганъ Клейнгопенъ
Старый инвалидъ.

БѢЛЫЕ РАБЫ

Французскій публицистъ Jean Hess по поводу возникшаго во Франціи вопроса объ организаціи особой колониальной арміи рассказываетъ свои воспоминанія изъ военной жизни.

„Мнѣ вспоминается дагомейскій походъ, въ которомъ я участвовалъ, походъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ, составляющій славу морскихъ силъ Франціи.

Въ войскѣ была такая бьющая въ глаза разница въ матеріальномъ и нравственномъ состояніи офицера и солдата, что черные туземцы были поражены.

Разница въ положеніи рабочаго и капиталиста во Франціи была тамъ во много разъ

преувеличена, и туземцы не могли этого понять.

У нихъ было представленіе о томъ, что бѣлые всѣ равны въ своемъ превосходствѣ надъ ними черными, и они съ удивленіемъ наблюдали зрѣлище, которое опрокидывало эти ихъ представленія.

Въ 2 часа дня, когда черные отдыхали, скрываясь отъ жгучаго солнца, они видѣли бѣлыхъ солдатъ, исполнявшихъ тяжелыя барскія работы: на кухняхъ „господъ“ офицеровъ и за разными услугами деньщиковъ. И чернымъ казалось страннымъ видѣть бѣлыхъ служащихъ бѣлымъ, чистящихъ имъ сапоги, выносящихъ ночные горшки.

Они искали объясненія; до прихода войска имъ казалось, что всѣ бѣлые живутъ одинаково. Но эти, вновь пришедшіе бѣлые, были необычайно покорны нѣкоторымъ изъ ихъ крикуновъ, они были загнаны въ большіе общіе помѣщенія, подобно животнымъ, въ помѣщенія худшихъ, чѣмъ квартиры ихъ начальниковъ, ѣли хуже чѣмъ тѣ и работали ту же работу, что и черные рабы бѣлыхъ. И черные рѣшили, что скопище новыхъ для нихъ людей — это партія новыхъ бѣлыхъ рабовъ, привезенныхъ съ собой европейцами.

Нѣкоторые изъ черныхъ спросили меня объ этомъ и я ничего не могъ имъ отвѣтить. Какъ могъ я объяснить имъ, что у европейцевъ, этихъ цивилизаторовъ и эмансипаторовъ жизнь и здоровье физическое и духовное офицера и солдата дѣлятся различно? А это такъ. И этотъ фактъ заставилъ черныхъ назвать наше войско „бѣлыми рабами“.

СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВО ФРАНЦИИ

Недавно во французскихъ газетахъ были опубликованы статистическія данныя о преступности за 5 лѣтъ 1893—1897 гг. изъ которыхъ можно сдѣлать интересные выводы. Цифры эти показываютъ, что число преступленій противъ личности постепенно уменьшается: съ 1549 въ 1893 г., число это постепенно спускается къ 1897 г. до 1213. Тогда какъ число преступленій противъ собственности — также постепенно увеличивается и за тотъ же періодъ времени поднялось съ 1224 до 2087. Въ сопоставленіи этихъ цифръ мы можемъ вывести два отрадныя факта: во первыхъ тогъ, что личность человѣка становится все болѣе и болѣе неприкосновенна, тогда какъ наоборотъ собственность признается все болѣе и болѣе „незаконною“ и во вторыхъ

то, что такъ какъ наказуемость въ обоихъ случаяхъ очевидно была одна и та же, то отсюда слѣдуетъ, что уменьшеніе и увеличеніе преступности отъ нея не зависятъ.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ПОДВИГИ РУССКОЙ АРМИИ ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЧУМОЙ ВЪ МАНЖУРИИ

„Les Temps Nouveaux“ приводитъ интересное сообщеніе американскихъ газетъ о томъ, какимъ способомъ слуги русскаго бѣлаго царя благодѣтельствуютъ своихъ дикихъ сосѣдей, которыхъ хотятъ отъ чего то „спасать“.

Въ Манжуріи принято за правило сжигать трупы умершихъ рабочихъ, если смерть ихъ внушаетъ подозрѣніе заразы. Эта санитарная предосторожность проводится черезъ чуръ далеко и жертвою ея дѣлаются живые люди. Такъ на линіи Ньючангской желѣзной дороги въ Іюль мѣсяцъ прошлаго года триста кули, работавшихъ на линіи, заболѣвшіе отъ соприкосновенія съ другою партіей, пришедшею изъ Гонъ-Конга, опасными симптомами; были застрѣлены казаками и потомъ свалены въ костры, облиты керасиномъ и сожжены.

Послѣ этого мѣсто работы особенно охранялось и какъ только замѣчались подозрительныя заболѣванія, такъ больныхъ отводили въ ближайшій оврагъ, выстраивали въ линію и разстрѣливали градомъ пуль. Потомъ трупы ихъ сжигались.

Но болѣзнь не осанавливалась. Въ теченіи слѣдующихъ пяти дней еще 19 человекъ умерло отъ чумы и 30 было застрѣлено. Живые кули (дикари) отказывались принимать участіе въ убиваніи и сжиганіи своихъ товарищей даже подъ страхомъ смерти и казаки должны были сами производить всѣ эти звѣрства.

Послѣ гибели такимъ образомъ нѣсколькихъ сотенъ кули, оставшіеся въ живыхъ около тысячи человекъ, не выдержали этой пытки и разбѣжались по сосѣднимъ дѣсамъ и горамъ. Казаки пустились за ними въ погоню и перестрѣляли многихъ подъ предлогомъ заразы, сжигая ихъ трупы. Многіе изъ не пойманныхъ умерли отъ голода и болѣзней тамъ, гдѣ они скрывались. Около пяти сотъ были пойманы, приведены на линію и ихъ снова заставили работать надъ проведеніемъ „Великаго Сибирскаго пути“.

Конечно всѣ эти операціи производились

съ вѣдома присутствовавшаго тамъ медицинскаго персонала и совершались до требованій науки для блага человѣчества.

Эти факты были рассказаны автору корреспонденціи Гладису Дэну русскими офицерами и докторами, которыхъ онъ видѣлъ въ Нью-Чвангъ и напечатаны въ газетѣ „The Chicago Tribune“ отъ 4 марта 1900 г.

КАКЪ ОБРАЩАЮТСЯ ВЪ РОССИИ СЪ ЗАКАЗНЫМИ ПИСЬМАМИ

Вслѣдствіе нелѣпыхъ русск. цензурн. правилъ приходится иногда заграничныя печатныя произведенія пересылать въ закрытыхъ заказныхъ письмахъ. Это обходится очень дорого, но все таки такимъ путемъ пересылка возможна. И такъ какъ закрытое письмо составляетъ для всякаго порядочнаго человѣка тайну между отправителемъ и адресатомъ, до которой никому не должно быть дѣла, то такой способъ пересылки долженъ считаться вполне законнымъ. Но въ Россіи это не такъ. Въ Россіи прежде всего смотрятъ на письмо вопросительно: а вдругъ тамъ что нибудь нехорошее? И чтобъ увѣриться, распечатываютъ, читаютъ, берутъ себѣ что поинтереснѣе, а остальное или бросаютъ, или отправляютъ дальше или возвращаютъ обратно. Такъ какъ заграничное заказное письмо гарантировано международными трактатами, то его бросать невыгодно и съ нимъ поступаютъ такъ: недавно я послалъ заказнымъ письмомъ въ Россію № издаваемой мною „Свободной Мысли“. Письмо мое распечатали, прочитали содержимое, нашли вѣроятно интереснымъ, потому что часть № отрѣзали, именно заглавный листъ, съ передовой статьей и со статьей Л. Н. Толстого, а остальное опять запечатали и отослали назадъ со штемпелемъ „запрещено“. Письмо какъ будто цѣло, требовать вознагражденія нельзя, а внутри часть украдена. „И овцы цѣлы и волки сыты!“

Я совѣтую этимъ распечатывателямъ дѣлать такъ: открывать заказныя письма, и вмѣсто находящагося тамъ яда, вродѣ „Свободной Мысли“, вливать туда душевнеспасительный бальзамъ, вродѣ напр. изданія старосты Исаакіевскаго собора генерала Богдановича и посылать по назначенію. Пока то еще доберутся, да и доберутся такъ что съ нихъ взять!

П. Б.

ДУХОБОРЫ

КРАТКІЯ БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ДУХОБОРСКОЙ УПРАВИТЕЛЬНИЦѢ ЛУКЕРІИ ВАСИЛЬЕВНЫ КАЛМЫКОВОЙ

Лукерія Васильевна родилась въ 1840 г. въ Таврической губерніи, а въ 1857 году перешли ея родители въ Закавказье и поселились въ селѣ Горѣломъ. Отца ея звали Василій Никифоровичъ Губановъ, а мать Аграфена Савельевна. Оба они были люди умные, дочь свою глубоко любили и деляли и воспитывали дома. Въ 16 лѣтъ Лукерія была уже вполне развитая и умная дѣвушка. Она поправилась Петру Ларіоновичу Калмыкову и онъ сталъ сватать ее у ея родителей. Петру было тогда 20 лѣтъ. Родители, не смотря на молодость дочери, не могли отказать Петру Калмыкову, тогдашнему управителю сиротскаго дома. Супруги прожили вмѣстѣ 7 лѣтъ. Петръ Ларіоновичъ померъ, и его мѣсто заняла молодая вдова, Лукерія Васильевна, которую всѣ духоборы признали управительницей.

Къ этому времени (къ концу 60-хъ и началу 70 гг.) начинается постепенное ослабленіе строгой жизни духоборовъ. Во время войны 1877 г. духоборы стали пить водку и устраивать пиры и свадьбы, тратя на это по 300 руб.

Лукерія Васильевна въ своей постоянной заботѣ о духоборахъ была очень огорчена этимъ упадкомъ духа и стала ѣздить по селамъ и упрашивать духоборовъ бросить пьянство и всякое „художество“. И духоборы исполнили эту просьбу и все было оставлено, такъ что незадолго до смерти Л. В. духоборы совсѣмъ перестали пьянствовать и курить табакъ и дѣлать всякія худыя дѣла.

Забота о нравственномъ подъемѣ духоборовъ была главнымъ и непреходящимъ дѣломъ Лукеріи Васильевны. И духоборы слушались Л. В. больше, чѣмъ свою мать и всѣ дѣла свои дѣлали съ ея совѣта. Мѣстныя власти уважали ее за справедливость.

Хотя Лукерія Васильевна была неграмотна, но она вела духоборовъ къ истинной жизни и духоборы понимали свое высшее благо.

Они не ходили въ суды и не сидѣли въ тюрьмахъ за воровство или убійство. И никто не видалъ духобора подъ окномъ. просящаго милостыню.

Лукерія Васильевна Калмыкова скончалась 15 декабря 1886 года.

Мы передаемъ эти свидѣнія со словъ одного изъ духоборовъ, записавшихъ ихъ по нашей просьбѣ. Несмотря на краткость ихъ, образъ этой замѣчательной женщины руководившей своимъ добрымъ влияниемъ жизнь двадцатитысячнаго населенія, востаетъ передъ нами во всемъ его простомъ величии.

П. Б.

ДУХОБОРЫ ВЪ КАНАДѢ

(Изъ „The New Order“ Апрель 1900).

7370 человекъ духоборъ, находящихся въ Канадѣ, раздѣляются на три партіи, соответственно тому, какъ они помѣщались на Кавказѣ. 3100 Тифлискихъ духоборъ поселились къ сѣверо-востоку и къ сѣверу отъ Форта Пелли, близъ Ассинибойской границы Манитобы; 1350 Елисаветпольскихъ духоборъ поселились въ Ассинибойѣ, вблизи Йорктона и къ юго-западу отъ Форта Пелли; изъ 2920 Карскихъ духоборъ 1470 поселились въ Ассинибойѣ, по рѣкамъ Бѣлосечной, (Уайтсандъ) Ассинибойшъ, къ юго-западу отъ Форта Пелли, а остальные 1450 въ Саскачеванѣ, къ западу отъ Саскатуна и Утинанаго озера (Джэкъ Лэкъ).

Тифлискіе духоборы прибыли положительно безъ всякихъ средствъ, и для переѣзда они должны были пользоваться деньгами, собранными въ Россіи и Англии. Карскіе и Елисаветпольскіе духоборы заплатили сами за свой переѣздъ и, хотя нѣкоторые деревни прибыли сюда почти такія же бѣдныя, какъ Тифлискія, у этихъ партій въ общемъ было приблизительно 100.000 долларовъ наличными деньгами. Въ настоящее время этихъ денегъ остается очень немного; они пошли на обзаведеніе скотомъ и вещами, необходимыми для хозяйства или были употреблены на пропитаніе. Обычная премія (бонусъ) въ 4,85 доллар., которую федеральное правительство выплачивало духоборческому комитету, какъ агентамъ иммиграціи пошла почти вся цѣлкою на Тифлискихъ духоборъ.

Относительно помѣщеній всѣ устроились хорошо. Всего существуетъ около 800 домовъ, изъ нихъ 420 построены изъ бревенъ и 380 изъ дерна. Часть послѣднихъ вырыта въ землѣ, т. е. полъ дома 1—3 фута ниже уровня почвы. Большинство домовъ превосходны, на самомъ дѣлѣ гораздо лучше, чѣмъ у средняго вновь прибывшаго поселенца. Они построены тепло и прочно, размѣры ихъ колеблются отъ 16—25 футовъ въ квадратъ,

стѣны снаружи и изнутри гладко вымазаны глиной, крыши изъ утоптанной земли, и, въ большинствѣ случаевъ, съ наружной стороны дома снабжены пристройками, въ родѣ крыльца. У многихъ есть узкая веранда во всю длину какой нибудь стороны дома. Въ каждомъ домѣ имѣется внушительнаго вида печка, въ 5—6 квадратныхъ футовъ величиной, которая отопляетъ домъ, печетъ хлѣбъ, варитъ пищу и кипятитъ воду для семейнаго чая. По ночамъ ея помѣстительный верхъ служитъ для сна старыхъ людей и дѣтей. Какъ водится у русскихъ крестьянъ, на вентиляцію не обращается никакого вниманія, и въ нѣкоторыхъ домахъ рѣшительно не мѣняло бы дать больше мѣста для оконъ.

Пищу духоборъ недолго перечислить. Это хлѣбъ, вода, овощи въ небольшомъ количествѣ, а для питья чай. Замѣчается большая изобрѣтательность въ разнообразномъ смѣшиваніи муки, воды и овощей, но это главный составъ ихъ пиши. Слѣдуетъ прибавить, однако, что недавно до нѣкоторой степени получило дополненіе къ этому растительнаго масла, мансевой муки, соевой муки и сахара. Молоко употребляется тѣмъ деревнями, въ которыхъ есть достаточно коровъ, но тамъ, гдѣ ихъ только 2 или 3, молоко дается только больнымъ. Духоборы не жалуются на свое питаніе. До преслѣдованія они жили хорошо, но они сознаютъ, что борьба, которую они предприняли за свободу совѣсти, потребуетъ отъ нихъ еще втеченіе нѣкотораго времени ежедневныхъ жертвъ.

Санитарная статистика духоборъ съ тѣхъ поръ какъ они поселились на своей землѣ, краснорѣчиво говоритъ за здоровый климатъ Сѣверо-Запада. У тифлискихъ духоборъ, много страдавшихъ перемежающейся лихорадкой (маляріей), число смертей 20 на 1000 въ годъ. Въ составъ этой партіи входитъ партія, бывшая съ Кипра, среди которой $\frac{1}{10}$ смертности было 100 на 1000 во время житья на Кипрѣ. На всѣ 7370, вмѣстѣ взятыхъ, втеченіи 6 мѣсяцевъ было 53 смерти, т. е. годовой процентъ только 14,4. За тотъ же періодъ времени было 63 рожденія.

Если принять въ соображеніе всѣ обстоятельства, духоборы пережили зиму очень хорошо, и заняты теперь весенними работами. Филадельфійскіе друзья (квакеры) дали сѣмянъ на сумму 800 фунт. стеря. и этого едва можетъ хватить противъ того, что дѣйствительно нужно.

КЪ ВОПРОСУ О НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ НАСИЛІЕМЪ *)

Изъ письма А. И. Толстого къ К.

Письмо ваше мнѣ было очень пріятно. То что вы думаете о противленіи злу совершенно вѣрно, какъ вы и сами знаете. Иногда грустно думать, что наше общество находится въ такомъ глубокомъ мракѣ, что нужны большія усилія, тѣ самыя, которыя вы употребили и которыя не многіе способны дѣлать — чтобы вырваться съ одной стороны изъ сѣтей формальнаго, ложнаго христіанства, съ другой изъ революціоннаго либерализма, владѣющаго печатью, и понять самыя простыя истины вроде $2 \times 2 = 4$ въ области нравственной, т. е. что не нужно дѣлать того самого зла, съ которымъ боримся. Вѣдь все это, кажущееся сложнымъ, положеніе о непротівленіи злу и возраженіе противъ него сводятся къ тому, что вмѣсто того, чтобы понимать, что сказано: зломъ или насиліемъ не противься злу или насилію, понимается (мнѣ даже кажется нарочно), что сказано не противься злу, т. е. потакай злу, будь къ нему равнодушенъ; тогда какъ противься злу, бороться съ нимъ — есть единственная вѣдшая задача христіанства и что правило о непротівленіи злу сказано, какъ правило, какимъ образомъ бороться со зломъ самымъ усилѣннымъ образомъ. Сказано: вы привыкли бороться со зломъ насиліемъ, отплатой. Это нехорошее, дурное средство. Самое лучшее средство — не отплатой, а добромъ. Въ родѣ того, какъ еслибы кто бился отворять дверь наружу, когда она отворяется внутрь, и знающій сказалъ бы: не туда толкайте, а сюда тяните. Но вѣдь это такъ только въ нашемъ очень культурно отсталомъ обществѣ. Въ Америкѣ, напримѣръ, вопросъ этотъ 50 лѣтъ тому назадъ разработанъ со всѣхъ сторонъ и совѣстно говорить про это, въ родѣ того, какъ доказывать теперь Коперникову систему тѣмъ, которые бы ее оспаривали, какъ оспаривали Галлилея: Такъ съ одной стороны, говорю, иногда грустно на наше невѣжество, а съ другой — видишь пользу этого. Тотъ, кто какъ вы, самъ своимъ умомъ пробьетъ эту кору лжи и непониманія, тотъ имѣетъ задатки болѣе твердаго пониманія и всего того, что связано съ этимъ положеніемъ, чѣмъ тотъ, кому бы это разжевали и въ ротъ положили.

Въ одномъ вы только не правы, это въ томъ,

что вы робѣете идти за разсужденіемъ въ вопросѣ о бѣшеныхъ. Въ идеѣ нельзя допускать ни малѣйшаго компромисса. Компромиссъ выйдетъ неизбежно въ практикѣ (какъ вы вѣрно говорите) и потому тѣмъ меньше можно допустить компромиссъ въ теоріи. Если я хочу провести линію близко къ математической прямой, я ни на секунду не долженъ допускать того, что прямая можетъ быть не кратчайшее разстояніе между двумя точками. Если я допущу, что бѣшеннаго можно запереть, то я долженъ допустить и то, что его должно убить. А то что же онъ будетъ мучиться? Возьмите примѣръ съ бѣшенной собаки и ее нельзя ни запереть, ни убить.

Если я допущу, что очень бѣшеннаго можно запереть, то и меня и васъ можно и нужно окажется для кого нибудь запереть. И не бойтесь, какъ вы испугались, разсуждать на этомъ пути. Если можно запереть, то будетъ то насиліе, отъ котораго теперь стонетъ міръ: въ Россіи 100 тысячъ заключенныхъ; а если нельзя, то что же будетъ такого страшнаго? То что бѣшенный убьетъ меня, васъ, мою дочь, вашу мать? Да что же тутъ такого страшнаго? У насъ мы все можемъ и должны. А дурного дѣлать мы не должны. Но во первыхъ бѣшеные рѣдко убиваютъ, а если убиваютъ, то вѣдь предметъ, который надо жалѣть, которому надо помогать, не я, котораго еще только можетъ убить бѣшенный, а онъ — навѣрное изуродованный, страдающій; и помогать надо ему, думать о немъ. Если бы люди не позволяли себѣ для своей безопасности заперать и убивать тѣхъ бѣшенныхъ и такъ называемыхъ преступниковъ, то они бы позаботились о томъ, чтобы не образовывались вновь бѣшенные и преступники. А то я знаю случай совершенно дикаго чело- ловѣка, нищаго 45 лѣтъ, который бродяжничалъ съ дочерью и не ночевалъ зимой въ избахъ и изнасиловалъ свою дочь; другой случай мальчика 11 лѣтъ, убившаго свою сестру 5-ти лѣтъ и сдѣлавшаго изъ ея жира свѣчу, чтобы при воровствѣ отворялись всѣ запоры; третій случай моего ученика школы, отдавнаго въ ученики, споеннаго средой, допившагося до болѣзни мозга и для спокойствія своихъ домашнихъ и окружающихъ отдавнаго въ сумашедшій домъ тамъ умершаго. Все мы знаемъ Скублинскую. Ну и вотъ ихъ всѣхъ посудить, потому запереть чтобы они намъ не мѣшали приготавливать еще такихъ же и мы говоримъ, что жестоко бы было оставить ихъ на волю. Нѣтъ, еслибы они были на волю, у насъ не было бы дикихъ людей, ходящихъ подъ проволоками те-

*) См. „Своб. Мысль“ 1900 г. № 3.

лефоновъ, не было бы мальчиковъ, дѣлающихъ свѣчи изъ жира сестеръ, не было бы допивающихся до бѣшенства дикарей, не было бы Скублинскихъ.

Очень радъ буду прочесть то, что вы написали о моемъ рассказѣ*). Я на дняхъ написалъ къ нему послѣсловіе, которое оказалось необходимымъ написать, такъ ужъ смѣло притворились люди, что они не понимаютъ того, что тамъ написано.

Помогай Вамъ Богъ идти по тому пути, на которомъ вы стали: онъ единственный.

Левъ Толстой.

НЕУЖЕЛИ И ГАЛЛИФЭ — СОЦІАЛИСТЪ?

Воспоминанія о Коммунѣ 1871 г.

Переводъ съ французскаго П. В-ой.

Празднованіе годовщины 18 Марта въ этомъ году будетъ особенно знаменательно.

Соціалистъ — министръ въ самомъ правительствѣ, и другой — именно военный, въ своихъ громогласныхъ заявленіяхъ съ трибуны напрашивается на тоже названіе.

Это кажется тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, когда знаешь, что этотъ министръ носитъ имя маркиза де Галлифэ и особенно когда вспомнишь, что министръ этотъ былъ главнымъ палачемъ во время коммуны 71 года.

Это второй палачъ коммуны съ социалистическими стремленіями. Первый былъ генералъ Буланже, тоже отличившійся въ кровавомъ укрощеніи коммунаровъ и называвшій себя генераломъ — социалистомъ и говорятъ, что если бы онъ былъ смѣлѣе, то революціонная рабочая партія Гюда и Лафарга пошла бы за нимъ. Но ему не достало храбрости. Теперь можно привѣтствовать обращеніе въ социализмъ генерала Галлифэ.

Какой искусный пропагандистъ этотъ Мильеранъ! Надо думать, что скоро будутъ новыя обращенія въ такомъ же родѣ и что передъ выставкой онъ обратитъ въ социализмъ и самого президента Республики. Тогда можно будетъ видѣть на Парижской выставкѣ президента — социалиста и кто знаетъ кого еще! Это будетъ великолѣпно! Говорятъ, что время чудесъ прошло. Но развѣ это не восьмое чудо свѣта?

И есть же болтуны „полоумные“**), говоря-

*) Крейц. соната. Прим. ред.

**) Кропоткинъ удостоился такого названія.

Прим. автора.

щіе, что соціалистъ не долженъ занимать мѣсто въ министерствѣ!

Когда этимъ лѣтомъ будетъ въ Парижѣ международный конгрессъ, на который не будетъ допущенъ ни одинъ анархистъ, мы уже предвидимъ, что президентство на этомъ конгрессѣ будетъ предложено генералу Галлифэ. А для дня приѣма членовъ конгресса въ Hôtel de Ville готовится настоящій апофеозъ. Помните торжественную прогулку Либкнехта подъ руку съ Вальяномъ на собраніи конгресса 89 г., они олицетворяли собой союзъ французовъ съ нѣмцами въ pendant къ тройственному союзу. Это было знаменательно. Но въ Парижѣ то-ли еще будетъ! Интернаціональная социалъдемократія предстанетъ въ лицѣ „старого солдата революціи“, а по обѣ стороны его Мильеранъ и Галлифэ. Можетъ быть и бельгійскій аббатъ Даенсъ, тоже заигрывающій съ социализмомъ, явится туда? Тогда Мильеранъ уступитъ ему свое мѣсто и мы увидимъ Либкнехта, шествующаго между саблей и кропиломъ — двумя эмблемами социализма. Это ли не великолѣпіе?

Говорите теперь, что социализмъ не развивается быстрыми шагами!

Какой невѣроятный сонъ: Галлифэ вступаетъ въ XX вѣкъ социалистомъ, а тѣни тридцати тысячъ коммунаровъ проклинаютъ своего кроваваго убійцу! Да, таково должно быть настоящее названіе Галлифэ, убивавшаго не только по профессіи, но для личнаго удовольствія. Вотъ что рассказываетъ о немъ Лиссагарей*). Въ воскресенье 28 мая Галлифэ приказалъ старикамъ выйти изъ рядовъ. Ихъ вышло 111 человекъ. „Вы были свидѣтелями июньскихъ дней 48 г., а потому вы вдвое виновны“, сказалъ онъ имъ. Послѣ этого онъ отдалъ приказъ ихъ разстрѣлять.

Человѣкъ, говорящій такъ, не человѣкъ больше, это кроваваго животное. Это даже не война, это бойня. Это мстятій звѣрь. Я не понимаю какъ Мильеранъ, который въ качествѣ социалиста долженъ быть другомъ и защитникомъ пережившихъ коммуны, можетъ занимать мѣсто рядомъ съ Галлифэ. Если бы такой человѣкъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ бы я, я бы вышелъ оттуда, потому что почувствовалъ бы на немъ кровь его жертвъ. А если бы онъ назвался социалистомъ, я бы былъ съ нимъ еще осторожнѣе, потому что я спросилъ бы себя почему онъ могъ бы стать социалистомъ?

Но, скажутъ, онъ могъ обратиться.

Конечно, все возможно. Но чтобы повѣрить

*) Lissagarey. Histoire de la Commune de 1871.

этому и жду доказательств и убедительных доказательств.

А гдѣ они?

Въ ожиданіи ихъ можно соннѣваться и не имѣть довѣрія. Мы моздравляемъ социалдемократовъ съ этимъ новымъ товарищемъ и желаемъ имъ не разочароваться очень скоро. Очевидно дѣло идетъ впередъ. Еще шагъ и у насъ будетъ свой Константинъ — социалистъ, какъ былъ когда то Константинъ — христіанинъ. Былъ моментъ, когда мы думали, что императоръ „съ сюрпризами“ Вильгельмъ II возьметъ эту роль на себя, но, кажется, онъ это бросилъ.

Всѣ социалисты!

„Видите ли вліяніе социалистическихъ идей“, говорятъ многіе торжественнымъ тономъ и они очень польщены присутствіемъ среди своей среды профессора такого то, аббата такого то, депутата такого то. О, это гораздо лестнѣе, чѣмъ разговаривать съ рабочими въ грязныхъ блузахъ. Но если мелкая буржуазія идетъ рука объ руку съ социалдемократами не показывается ли это, что социализмъ обуржуазивается въ гораздо большей степени, чѣмъ буржуазія социализируется? Все больше и больше социалдемократія становится частью безопасной мелкой буржуазіи.

Бывшій англійскій министръ Гаркуръ сказалъ разъ: Мы теперь всѣ социалисты!

Развѣ окружное посланіе самого наны Льва XIII не имѣетъ социалистическаго оттѣнка? Бисмаркъ тоже хотѣлъ разъ стать социалистомъ. Что же касается до меня, то я сомнѣваюсь въ социализмѣ сильныхъ міра сего.

Я все таки понимаю радость социалдемократовъ по поводу присоединенія къ нимъ новаго члена. Не надо забывать, что онъ можетъ оказать имъ важныя услуги.

Вспомнимъ, какъ Шовенъ, адъютантъ Жюля Гэда и эксъ депутатъ, сказалъ разъ, что когда социалдемократы овладѣютъ властью, первой ихъ заботой будетъ разстрѣлять анархистовъ. Но когда на одномъ публичномъ собраніи ему предложили для этого ружье, онъ очень сконфузился, изобразивъ изъ себя нечальнаго рыцаря Донъ-Кихота. Теперь у Шовена и его друзей есть свой палацъ. Генераль Галлифэ доказалъ, что онъ не боится употребить ружье. Безъ страха и упрека онъ умертвитъ сколько ему нужно анархистовъ, какъ въ 71 году онъ умертвилъ коммунаровъ. И всѣ его грѣхи ему сразу простятся „во славу великой социалдемократіи.“ (ad maiorem gloriam socialdemocratium), Начинаютъ съ коммунаровъ, что бы кончить анархистами.

Все въ мірѣ прогрессируетъ.

Захватъ политической власти близокъ и время социализма настаетъ.

Социализма ли? Мы въ этомъ сомнѣваемся, потому что это будетъ новая форма рабства.

Мы хотимъ не перемѣны повелителей, но хотимъ ихъ не имѣть совсѣмъ. Мы хотимъ не другихъ тирановъ, а уничтоженія тираніи. Только мы, анархисты, останемся социалистами даже и тогда, когда такъ называемая социалдемократія будетъ преслѣдовать насъ, какъ еретиковъ.

Произойдетъ тоже самое, что нѣкогда произошло съ христіанствомъ. Въ четвертомъ вѣкѣ при императорѣ Константинѣ христіанство торжествовало, но въ ущербъ христіанской идеѣ и исповѣдующихъ истинное христіанство гнали и убивали.

Теперь, достигнувъ власти, социализмъ торжествуетъ, но въ ущербъ идеѣ социализма и послѣдователей анархическаго социализма, единственнаго теперь социализма будутъ скоро изгонять, преслѣдовать и убивать какъ враговъ социалдемократическаго порядка.

И за это мы боролись?

Стыдно даже называться социалистомъ: когда разные Галлифэ и его друзья называются тѣмъ же именемъ.

(„Les Temps Nouveaux“, № 48).

Домела Ньюенгойсъ.

ПО ПОВОДУ РАБОЧАГО ВОПРОСА

(Письмо въ редакцію)

Рабочій вопросъ важенъ, но важно также избрать правильную точку зрѣнія на это. Огуломъ винить въ этомъ только капиталистическій строй нельзя. Капиталь тутъ играетъ роль тельца изъ золота, которому творять поклоненіе. Капиталистъ — это жрецъ, рабочій — прихожанинъ и оба связаны невѣжествомъ и суевѣріемъ. Пока оба находятся подъ обаяніемъ капиталистическаго служенія, нельзя дать одному осужденіе, а другому привилегію на правду за его бѣдоту. Правды у обонхъ нѣтъ пока они чувствуютъ только условія своихъ вышнихъ положеній: одинъ довольство по богатству, другой бѣдность по вышнему положенію. Правда ихъ должна сойтись у одного на довольствѣ въ удовлетвореніи природныхъ и необходимѣйшихъ по-

требностей, а у другого *въ сознательной* бѣдности по духу, какъ естественномъ условіи жизни не позволяющемъ пользоваться ею выше крайней потребности.

Почва ихъ примиренія на этомъ, а для обоихъ это есть путь къ свѣту. Никакими внѣшними распределеніями богатствъ достигнута этого нельзя. Это все равно, что чинить футляръ отъ часовъ, когда внутренній ихъ механизмъ поломанъ.

Богатство скапливается въ одномъ мѣстѣ потому, что его сдвигаютъ въ груды тѣ, кто напираютъ на него со всѣхъ сторонъ, а отъ этого напора и сдерживается его груды пока всѣ тѣ, которые подпираютъ ее, не отойдутъ, оставя мертвымъ мертвое а для себя приобрѣта живое: „*Блаженни тѣ, кто принимаютъ нищету по сознанию*“ (Мт. 5, 3) и это не то, что нищета принимаемая по необходимости какъ лишніе зависимое отъ внѣшнихъ условій, родившихся изъ экономическаго строя. Это то, что заставляетъ душу чувствовать свою красоту, и плоть свою независимость и свободу. Мы такъ ослѣплены законами „мары“, что смѣшиваемъ ея области съ областями вѣчнаго свѣта, и думаемъ поправить дѣло тѣми же средствами, которыми „мара“, этотъ обликъ тѣлесности, обманываетъ насъ.

„Отойди отъ меня сатана!... Сказано: Господу Богу твоему поклоняйся, и ему одному служи!...“

Такъ и въ этою дѣлѣ „мара“ бросаетъ въ глаза прежде всего необходимость удовлетворенія плотской потребности, заботу о хлѣбѣ... „а Я говорю вамъ, что не хлѣбомъ однимъ живъ бываетъ человекъ... не заботьтесь что вамъ пить и что ѣсть, ибо того ищутъ люди міра сего“... Рабочій, идущій на фабрику, и богачъ, оберегающій свой желѣзный сундукъ, какъ ни разны по положенію, но стоятъ на одной и той же плоскости и ванизаны на одинъ и тѣ же нити „мары“. Освобожденіе отъ ложныхъ понятій объ жизни, вотъ то, что нужно для того и другого, чтобы не быть зависимымъ и быть свободнымъ.

Съ этой точки зрѣнія только и возможно рѣшеніе вопроса о тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ жизни, въ которыя такъ глубоко вошло человечество.

Б.

СПИНОЗА И БИБЛИЯ

„Spinoza and the Bible“, by Mathew Arnold).

(Переводъ съ англійскаго Н. В—ва).

(Продолженіе).

Христосъ явился, когда зданіе еврейскаго государства, ради котораго существовалъ еврейскій законъ, было близко къ гибели. Онъ провозгласилъ всемірный божественный законъ. Извѣстная нравственная дѣятельность была предписана этимъ закономъ также, какъ извѣстная нравственная дѣятельность была предписана и закономъ еврейскимъ. Но тотъ, кто истинно позналъ всемірный божественный законъ, позналъ божественныя повелѣнія волюнъ какъ вѣчную правду, для него нравственная дѣятельность имѣетъ свободу и самопознаніе. Пока пророки еврейскаго народа неправильно принимали божественныя повелѣнія, какъ обыкновенныя правила и предписанія, то для нихъ нравственная дѣятельность не имѣла ни свободы, ни самопознанія. Христосъ, который смотрѣлъ на повелѣнія Божія такъ, какъ самъ Богъ взираетъ на нихъ (какъ на вѣчную правду), провозгласилъ любовь къ Богу и къ ближнему какъ наставленія только вълѣдствіе невѣжества большинства (толпы). Тѣмъ же, кому „было дано познать тайны царствія Божія“, онъ ихъ возвѣстилъ такъ, какъ понималъ ихъ Самъ. — какъ вѣчную Истину. И апостолы, какъ и Христосъ, говорили многимъ изъ своихъ слушателей, „по тѣлесному, а не по духовному.“ Они имъ представляли любовь къ Богу и къ ближнему, какъ божественное повелѣніе, подтвержденное жизнью и смертью Христа, но не какъ вѣчную идею разума, несущую свое значеніе въ себѣ самой. Подобнаго понятія ихъ слушатели „не въ силахъ были постигнуть“. Апостолы, хотя и проповѣдывали и подтверждали свое ученіе знаменіями какъ пророки, писали свои Посланія не какъ пророки, но какъ ученые и мыслители. Самую сущность своего ученія они, на-самомъ дѣлѣ, почерпали не изъ разсужденія, но, (подобно пророкамъ) изъ дѣйствительности и откровенія. Они проповѣдывали вѣру въ Бога и благочестивую жизнь какъ истинную религію, основанную на страданіяхъ Христовыхъ, подобно тому, какъ пророки проповѣдывали вѣру въ Бога и благочестіе жизни какъ національную религію, основанную на законѣ Моисеевомъ.

Но, въ то время, какъ пророки возвѣщали свое посланіе въ формѣ чисто догматической, апостолы развивали свои посланія въ формѣ разсужденія и доказательства, соотвѣтственно

мыслию каждого апостола и тому, как они считали лучше преподать послание своим слушателям. Вследствие этого, они сами не требовали божественного авторитета, подчиняясь сужденію своих слушателей. Такимъ образомъ, каждый изъ апостоловъ строилъ основную религію на неосновномъ началѣ своего собственнаго вѣрованія, и, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, избѣгали полагаться на другого апостола, основанія котораго могли быть совершенно различны отъ его собственныхъ. Отсюда — несогласія между ученіемъ одного апостола и другого (такъ, напр., между ученіемъ апостола Павла и апостола Іакова). Но эти различія существуютъ не въ главныхъ частяхъ ученія (полученнаго ими путемъ откровенія), но во второстепенныхъ. Человѣческія церкви, принимая эти второстепенныя различія за основныя (причемъ одна удерживала одно, другая — другое), наполнили міръ бесполезными спорами, превратили церкви въ академію и религію — въ науку, или, лучше, — въ составительную арену и впади въ безконечныя расколы.

Какія же основы религіи согласны одинаково съ Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтомъ? Ихъ очень немного и онѣ очень просты: 1) Заповѣдь любить Бога и ближняго. 2) Наставленія, изложенныя въ первой главѣ книги пророка Ісаіа: „Омойтесь, очиститесь. Удалите злыя дѣлнія ваши отъ очей моихъ. Перестаньте дѣлать зло. Научитесь дѣлать добро. Ищите правды. Спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову“. (Ісаія, I, 16—18). 3) Заповѣди Нагорной бесѣды, которыя прибавляютъ къ предыдущему наставленію, чтобы мы перестали быть злыми и научились дѣлать добро не только нашимъ братьямъ и согражданамъ, но всему человѣчеству. Въ слѣдованіи этимъ наставленіямъ обнаруживается вѣра въ Бога: Если мы въ него вѣримъ, то мы будемъ хранить Его Заповѣдь, а Его заповѣдь — чтобы мы любили другъ друга.

Вследствие того, что она заключаетъ въ себѣ эти наставленія, библия собственно называется Словошъ Божіимъ, несмотря на то, что она заключаетъ въ себѣ много такого, что относится къ обыкновеннымъ повѣствованіямъ, изъ которыхъ (какъ и всѣ повѣствованія) ниня — истинныя, ниня — ложныя: несмотря на то, что она содержитъ много обыкновенныхъ разсужденій, которыя (какъ и всѣ разсужденія) иногда — глубокія, иногда — пустыя. Эти наставленія являются наставленіями всемірнаго божественнаго закона, написаннаго въ нашихъ

сердцахъ, и ни только установлена божественность Св. Писанія. По содержанию эти наставленія есть тоже, что внутренно-начертанный и самодеказывающій законъ. Этотъ законъ (какъ говоритъ Св. Іоаннъ) существовалъ въ мірѣ раньше ученія Моисея и раньше Христа. — Почему же понадобились эти Наставленія? — Потому, что міръ въ большинствѣ „не знаетъ“ настоящаго божественнаго закона, въ которомъ наставленія суть мысли, а вѣра въ Бога — познаніе и созерцаніе Его. Разумъ даетъ намъ этотъ Законъ, разумъ говоритъ намъ, что онъ ведетъ къ вѣчному блаженству и что тѣ, которые ему слѣдуютъ, не нуждаются въ другомъ. Но разумъ не могъ бы намъ сказать, что нравственная дѣятельность сообразная съ всемірнымъ божественнымъ закономъ, вытекаетъ не изъ понятія его внутренней благодати, истины и необходимости, а просто какъ послѣдствіе повинненія (потому что оба: Вѣтхій и Новый Завѣтъ — только одна долгая дисциплина повинненія), просто потому, что такъ заповѣдано Моисеемъ на основаніи Завѣта и Христомъ — на основаніи Его жизни и страданій. Разумъ этого намъ бы сказать не могъ и говоритъ это намъ Библия. Это есть то, что „было сокровенно хранимо съ сотворенія міра“. Это есть то, что вследствие неразумности міра, Богъ скрываетъ отъ мудреца и малымъ уничтожаетъ великое. Относительно истинности обѣщанія исполнить это для повинненія безъ познанія, мы можемъ не имѣть математической увѣренности. Потому что мы можемъ имѣть математическую увѣренность только о томъ, что выведено разумомъ изъ началъ, которыя онъ заключаетъ въ самомъ себѣ. Но мы можемъ имѣть въ этомъ *нравственную увѣренность* (подобную той, какую имѣли сами пророки), вытекающую изъ доброты и чистоты тѣхъ, кому было дано откровеніе и сдѣлавшюся доступной намъ вследствие ея непротворѣчія основамъ разума. Ей вѣрить очень удобно, потому что (говоритъ Спиноза) „такъ какъ очень небольшое меньшинство можетъ вести нравственную жизнь при руководствѣ одного только разума, то мы, если бы не имѣли это свидѣтельство Св. Писанія, были бы въ сомнѣніи относительно спасенія почти всего человѣческаго рода“.

Это вытекаетъ изъ того, что философія имѣетъ свою собственную независимую сферу, а теологія — свою, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ права вторгаться въ другую, судить и подчинять ее себѣ. Теологія требуетъ полнаго повинненія, а философія — полнаго знанія: Повинненіе, требуемое теологіей, и знаніе, тре-

буемое философией, оба одинаково спасительны. Какъ созерцательное пониманіе Бога, теологія требуетъ только такое, которое необходимо для осуществленія этого повинненія: Вѣру, что Богъ есть, что онъ дастъ благо тѣмъ, кто Его ищетъ и что доказательство Его исканія — добрая жизнь. Таковы основы вѣры и онѣ такъ ясны и просты, что ни одна изъ доказанныхъ неточностей повѣствовательной части библіи нисколько ихъ не касается, и онѣ несомнѣнно дошли до насъ искаженными. Тотъ, кто ихъ сохранилъ, можетъ создавать, какъ то дѣлали патриархи и пророки, другія созерцательныя понятія, болѣе ошибочныя, но однако ихъ вѣра полна и спасительна. Но даже и помимо этихъ основъ созерцательныя понятія благочестивы или нечестивы, не по скольку они истинны или ложны, но по скольку они убѣждаютъ или колеблютъ вѣрующаго въ его практикѣ повинненія. Самое истинное созерцательное понятіе о природѣ Божьей нечестиво, если оно дѣлаетъ его обладателя мятежнымъ и, напротивъ, самое ложное созерцательное понятіе благочестиво, если оно дѣлаетъ его послушнымъ.

Но большинство (толпа), которое не читаетъ только то, что удивляетъ, устрашаетъ и поражаетъ его, не принимаетъ этого простого взгляда его собственной религіи. На большинство религія, повидимому, производитъ впечатленіе тогда только, когда она идетъ противъ разума, подтверждается чудесами, собрана въ документахъ матеріально священныхъ и непогрѣшимыхъ, когда она осуждаетъ на проклятіе все, что выходитъ изъ ея предѣловъ. Но эта религія большинства не есть та религія, истинное толкованіе которой находится въ Св. Писаніи. Разумъ намъ говоритъ, что чудо (понимая подъ чудомъ нарушеніе законовъ природы) невозможно и, что считать его возможнымъ, — значитъ оскорблять Бога: потому что законы природы — законы Бога, и говорить, что Богъ нарушаетъ законы природы, — значитъ говорить, что онъ нарушаетъ свою собственную природу. Разумъ видитъ кромѣ того, что чудеса никогда не могутъ достигнуть своей цѣли, — привести насъ къ высшему пониманію Бога, потому что наше познаніе Бога возвышается только совершенствованіемъ и чистотой нашихъ понятій, а вышеприведенное значеніе чудесъ ихъ разрушаетъ. Однако, Св. Писаніе нигдѣ вообще не утверждаетъ, что чудеса возможны. На самомъ дѣлѣ, оно утверждаетъ обратное. Такъ Іеремія объявляетъ, что природа всегда слѣдуетъ неизмѣнному порядку. Св. Писаніе, какъ

и сама природа, не покидаетъ созерцательныхъ опредѣленій. Оно излагаетъ дѣло въ томъ порядкѣ и съ тѣми оборотами рѣчи, которыми писатель или ораторъ (часто не вполне знающій) пользуется, чтобы недѣйствовать на слушателей, говоря съ живымъ чувствомъ о величій и благости Божьей. Такъ, напр., Моисей, повѣствуя Израилтяпамъ переходъ черезъ Черное море, совсѣмъ не упоминаетъ о восточномъ вѣтрѣ, который ихъ сопровождалъ и мы о немъ случайно узнали уже въ другомъ мѣстѣ. Чтобы точно знать, что разумѣетъ Св. Писаніе, повѣствуя съ каждымъ чудѣ, мы должны знать (кромѣ оборотовъ и приемовъ еврейскаго языка) обстоятельства, а также — (потому что всякій имѣетъ свою манеру излагать факты вслѣдствіе своего предубѣжденнаго мнѣнія, а мы видѣли каковы они были у пророковъ) — предубѣжденное мнѣніе каждаго оратора. Но такой способъ толкованія Св. Писанія пагубенъ для обыкновеннаго понятія его словеснаго вдохновенія, святости и абсолютной правды всѣхъ изрѣченій и словъ, изъ которыхъ оно составлено. Обыкновенное понятіе есть, на самомъ дѣлѣ, сильное заблужденіе. Можно доказать изъ внутренняго свидѣтельства самого Св. Писанія, что книги, начиная съ первой книги Пятикнижія и до послѣдней книги Царствъ, были соединены вмѣстѣ (послѣ перваго разрушенія Іерусалима) однимъ лицомъ (вѣроятно Ездрой), который рѣшился изложить исторію еврейскаго народа отъ его начала и до его распадѣнія. Можно еще сверхъ того доказать, что составитель не вполне окончилъ свой трудъ, но оставилъ его съ выдержками противорѣчивыхъ, а иногда и не согласныхъ между собою источниковъ, сохранилъ ошибки текста и неразборчивыя мѣста. Пророческія книги являются простыми отрывками изъ пророчествъ, собранныхъ раввинами тамъ, гдѣ они ихъ могли найти и произвольно ими помѣщенныхъ въ канонѣ. Вначалѣ они было предложили не принимать въ канонъ ни книгу Притчей, ни Екклесиастъ и приняли ихъ только потому, что въ нихъ найдены были мѣста, предписывавшія Законъ Моисея. Они рѣшили было исключить также и книгу Езекииля, но одинъ изъ ихъ числа передѣлалъ ее, чтобы добиться ея принятія. Книги Ездры, Неемии, Есфирь и Даниила суть произведенія одного автора и были написаны послѣ того, какъ Іуда Маккавей возстановилъ почитаніе храма. Одновременно была составлена и Псалтырь. До этого не существовало *Канона Священнаго Писанія*, и великая Синагога, которою законъ былъ уста-

новленъ, созвана была только при Македонскомъ владычествѣ (послѣ македонской побѣды въ Азіи). Ни одинъ изъ пророковъ не былъ членомъ этой синагоги. Составлявшіе ее ученые руководились своимъ собственнымъ сужденіемъ. Подобнымъ же образомъ невдохновенное сужденіе человѣческаго собранія установило и Канонъ Новаго Завета.

* * *

Таково въ возможно краткомъ и полномъ изложеніи, безъ подробностей, доказательствъ, (которыя въ немъ приведены) и метафизическихъ оборотовъ рѣчи, таково ученіе *Трактата Спинозы* въ толкованіи св. писанія. По широтѣ взгляда и силѣ доказательствъ, по духу, съ которымъ предметъ излагается во всемъ сочиненіи, этотъ трудъ, несомнѣнно, есть наиболѣе интересный и выдающійся для общей культуры Европы.

(Окончаніе слѣдуетъ)

ВОЗРАЖЕНІЕ

(Письмо въ редакцію)

Не могу удержаться, чтобы не высказать Вамъ, Павелъ Ивановичъ, нѣсколькихъ мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову при чтеніи Вашей статьи „Слава побѣжденнымъ“, напечатанной въ мартовскомъ № „Своб. Мысли“.

Мнѣ кажется, что назвать войска Кронъ „побѣжденными“ можно только съ самой грубой виѣшней точки зрѣнія. Предполагать же, что они сдались изъ боязни страданій и смерти значить оскорблять ихъ.

Если сдавшіеся войска Кронъ возбуждаютъ къ себѣ всеобщее чувство уваженія, то вѣдь это только потому, что человѣчество чувствуетъ, что они невинны въ постыдной сдѣлкѣ обмѣны долга и идеала на личную безопасность. Всякій, мысленно посылающій имъ привѣтъ и отдающій имъ дань уваженія, дѣлаетъ это только потому, что вѣритъ, что въ ихъ положеніи, пожертвованіе ими жизни не принесло бы никакой пользы тому дѣлу, которое они защищаютъ. Еслибы человѣчество думало иначе, то не могло бы безъ утраты вѣры въ драгоцѣнность идеала вообще, оправдывать войска Кронъ въ ихъ сдачѣ.

Мнѣ кажется, что гарнизонъ той крѣпости, сдача которой изображена на той Луврской картинѣ, о которой Вы упоминаете, чтобы возбудить чувство уваженія и удивленія у побѣдителей и зрителей картины, дол-

женъ былъ сдаться по причинамъ, ничего общаго съ боязнью смерти или страданій немѣющихихъ. Въ противномъ случаѣ этотъ гарнизонъ конечно никакого уваженія къ себѣ ни въ комъ возбудить бы не могъ, ибо къ счастью инстинктъ самосохраненія до сихъ поръ еще не возведенъ человѣчествомъ въ нѣчто особенно возвышенное.

Если на Луврской картинѣ побѣдители „смущены“, то очевидно только потому, что чувствуютъ себя въ фальшивомъ положеніи; сознавая, что въ главномъ и самомъ существенномъ они не одолѣли гарнизона, не сломали и не одолѣли духъ его; что съ этой точки зрѣнія передъ ними все тѣже сильные и непобѣжденные бойцы.

Развѣ нельзя себѣ наиримѣрь представить, что зрители Римскаго цирка, расходясь послѣ видѣннаго ими разгрома христіанъ, уносили домой тоже самое чувство смущенія? И это чувство „смущенія“ — естественно, ибо люди понимаютъ, что за всякой физической борьбой скрыта борьба идейная и что собственно въ ней вся суть дѣла.

Если это такъ, то никакъ нельзя сказать, чтобы нравственная обязанность начальника осажденной крѣпости состояла въ томъ, чтобы ради избавленія себя и своихъ подчиненныхъ отъ физическихъ страданій и смерти, пожертвовать частью идейной, частью духовной, которую Вы называете „военной честью“. Если Кронъ и его войска возбудили къ себѣ всемирное уваженіе и сочувствіе, то только потому, что всякій ясно сознаетъ, что они не поступились ни одной іотой „военной чести“ и что причина ихъ сдачи ничего общаго въ боязнью страданій или смерти не имѣла.

Подъ словами „военная честь“ люди разумѣютъ тотъ идеалъ, который кромѣ общечеловѣческихъ чертъ содержитъ еще въ себѣ особенныя черты, освѣщающія высшія духовныя запросы людей, поставленныхъ въ особенныя — военныя условія жизни. Этотъ идеалъ поэтому главнымъ образомъ завизитъ отъ уровня развитія всего даннаго народа, всего даннаго общества. Онъ можетъ на подобіе всевозможныхъ другихъ идеаловъ принимать иногда нежелательное виѣшнее выраженіе, но въ общемъ этотъ идеалъ, эта такъ называемая „военная честь“ тѣмъ схожа съ самыми возвышенными идеалами человѣчества, что требуетъ полной и безусловной жертвы матеріальныхъ благъ и самой жизни чему то невещественному, идейному, духовному.

Поэтому проповѣдь болзни физических страданій и утверждение, что начальник крѣпости долженъ измѣнить принятому на себя нравственному обязательству защитить крѣпость ради избавленія себя и своихъ подчиненныхъ отъ страданій и смерти, есть ничто иное, какъ отрицаніе всего идейнаго и утверждение, что людямъ слѣдуетъ больше дорожить своей физической цѣлостью, чѣмъ цѣлостью своихъ идеаловъ и убѣжденій.

Во время всякой борьбы случается, что то одна, то другая изъ борющихся сторонъ имѣетъ перевѣсъ. Но неужели же Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что время неудачи можно рекомендовать, какъ время, когда слѣдуетъ прекратить сопротивленіе прекратить борьбу? Когда слѣдуетъ согласиться на условія, предлагаемыя побѣдителемъ?

Мнѣ кажется, что такая проповѣдь ничего кромѣ развращающаго вліянія имѣть не можетъ.

Выборъ такого времени для сложенія оружія тѣмъ мнѣ кажется безнравственнымъ, что извращаетъ положеніе вещей, ставя на первое мѣсто личность вмѣсто защищаемой дѣла или защищаемой идеи.

Такой выборъ времени для замрненія предполагаетъ, что неудача личности, ея страданія, побѣда надъ ней — равносильна или однозначаща съ побѣдой надъ защищаемымъ этой личностью дѣломъ или идеей.

Прекрасной иллюстраціей къ моей мысли можетъ служить идея цѣлости войскового знамени. Пока знамя цѣло — цѣла и честь, хотя бы всѣ личности, ее составляющія, и погибли. Съ утерей же знамени — перестаетъ существовать и часть его утерившая, хотя бы всѣ личности, входящія въ ее составъ, оставались бы цѣлы и невредимы. Поэтому идея символически выражаемая войсковымъ знаменемъ учитъ насъ тому, что покуда идеаль живъ, никакія неудачи его защитниковъ или даже сама ихъ смерть никакого значенія съ нравственной, духовной точки зрѣнія не имѣетъ.

Еще замѣтите, что въ числѣ тѣхъ многихъ факторовъ, которые рано или поздно несомнѣнно прекратятъ войну, не послѣднее мѣсто занимаетъ слѣдующій: рѣшимость народа защищать свои очаги до послѣдней капли крови послѣдняго человѣка. Я думаю, что есть много данныхъ предполагать, что на народъ, одержимый такой рѣшимостью, никто бы не произвелъ нападешя, если бы твердо въ это вѣрили. Съ другой же стороны про-

повѣдь замрненія при первой неудачѣ является какъ бы косвеннымъ приглашеніемъ къ нападешю, ибо трудно предположить, чтобы народъ, защищающій свои очаги ни разу не потерялъ бы неудачи во время этой защиты.

Необходимымъ условіемъ всякаго окончательнаго успѣха является именно условіе не падать духомъ и никогда не соглашаться на унижительныя для этого духа условія, какихъ бы физическихъ страданій это ни стоило и какъ бы ни казалось безнадежнымъ извѣстное положеніе.

Вы вѣроятно скажете, что тѣ условія, которыя предлагаются бурямъ англичанамъ и которыя съ точки зрѣнія буровъ кажутся унижительными, вовсе не таковы съ высшей «человѣческой» точки зрѣнія. Но кто же, кромѣ самихъ буровъ, можетъ быть въ этомъ судьей?

Мы только можемъ констатировать тотъ фактъ, что они дерутся потому что считаютъ, что подчиниться безъ сопротивленія было бы для нихъ равносильно измѣнѣ своимъ идеаламъ было бы равносильно отказу отъ своего человѣческаго достоинства.

Вы советуете бурямъ уступить. Уступить во имя «человѣчности».

Но что значитъ, что должны они уступить? Если «уступить» значитъ пожертвовать всѣмъ тѣмъ, что для нихъ дорого съ идейной, духовной точки зрѣнія, то какъ можетъ быть, чтобы чувство человѣчности требовало бы отъ нихъ отказа отъ того, въ чемъ они видятъ свое человѣческое достоинство, свою «человѣчность»?

Вы вѣроятно скажете, что въ этомъ не-нравильномъ взглядѣ на человѣческое достоинство именно и состоитъ ихъ главная ошибка, что полагать свое человѣческое достоинство въ желаніи жить дома по своему, уже большая съ ихъ стороны ошибка, что не меньшая состоитъ въ нежеланіи подчиниться иностраннымъ порядкамъ, а самая большая — въ противленіи англичанамъ силой.

Вы, я надѣюсь, все же согласитесь съ тѣмъ, что буры съ одной стороны имѣютъ право имѣть свои идеалы, а съ другой не только имѣютъ право, но нравственно обязаны эти идеалы защищать такъ, какъ считаютъ целесообразнымъ.

Видъ не можетъ же какая бы то ни было нравственность требовать отъ человѣка, что бы онъ позволялъ кому бы то ни было безнаказанно посягать на то, что для него въ данное время является святыней: Такое тре-

бование было бы вѣдь ничѣмъ инымъ, какъ проповѣдью нигилизма — не правда ли?

Если Вы съ этимъ согласны, то навѣрное согласитесь и съ тѣмъ, что раньше, чѣмъ предлагать бурямъ дѣйствовать такъ, какъ по ихъ понятіямъ дѣйствовать безирравственно, надо показать имъ, что ихъ идеалы свободы и независимости дурны и низменны. Иначе выходило бы, что съ человѣческой, нравственной точки зрѣнія хорошо и нравственно предлагать людямъ въ угоду внѣшнему правилу или постановленію какого нибудь философа или мудреца дѣйствовать такъ, какъ по ихъ внутреннему разумѣнію дѣйствовать нехорошо и безирравственно. Выставленіе же основаніемъ такого дѣйствія, своего рода приманкой для него; боязни смерти или физическихъ страданій усугубляло бы безирравственность такой проповѣди. Не правда ли?

Только вѣдѣствіе того, что смель Вашей статьи дастъ нѣкоторое право думать, что Вы защищаете такой образъ мыслей, я и счелъ нужнымъ обратиться къ Вамъ съ этимъ письмомъ и просить Васъ въ ближайшемъ № ясной высказать свои мысли на этотъ счетъ.

х.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ

Я нигдѣ въ статьѣ своей не говорилъ о томъ, что солдатамъ, изъ боязни физическихъ страданій слѣдуетъ измѣнить идеѣ. Сдача отряда или крѣпости обыкновенно зависитъ не отъ самихъ солдатъ, а отъ начальника отряда или крѣпости одного или нѣсколькихъ офицеровъ, составляющихъ военный совѣтъ. И вотъ для начальника предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ принять ли на себя нравственные мученія побѣжденнаго, неравненно для всякаго обыкновеннаго человѣка сильнѣйшія мученія физическихъ или смерти, и тѣмъ избавить подчиненныхъ ему людей отъ всякаго рода мученій, или поступить обратно, т. е. погубить еще много жизней и получить призрачную славу побѣдителя, и я полагаю, что первое нравственно выше. Защищать можетъ только сильный слабого, по этому и идею какую бы то ни было можно защищать только идеей или поступкомъ высшимъ, сильнѣйшимъ, чѣмъ защищаемая идея. Если какая нибудь идея

защищается убійствомъ, то слѣдовательно эта идея ниже, слабѣе убійства, такой то нишей идеей я считаю „военную честь“ и потому защита ея мнѣ совсѣмъ не интересна.

Говоря о „славѣ побѣжденнымъ“, я обращался къ бурямъ только какъ къ примѣру иллюстрирующему мою мысль, вовсе не имѣя намѣренія давать имъ совѣтъ жить по моему, а не по ихъ собственному разумѣнію. Я говорилъ объ общихъ принципахъ жизни, которые считаю важными, потому что они помогаютъ мнѣ жить и которыми я хотѣлъ подѣлиться съ возможно большимъ числомъ людей, — моихъ братьевъ.

П. Вирюковъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

Jorkton, 26 янв. 1900 г.

Дорогіе друзья и братья!

Обращаемся къ вамъ съ большою просьбою. Окажите намъ цѣпильную помощь.

Насъ пять человѣкъ бѣжали за границу отъ преслѣдованія русскаго правительства за вѣру. Семьи наши остались въ Россіи въ безпомощномъ состояніи и мы долго не имѣли о нихъ свѣдѣній. Теперь мы получили отъ нихъ свѣдѣнія, что имъ разрѣшено выѣхать за границу, но бѣда въ томъ, что выѣхать не съ чѣмъ.

Вотъ уже 4 года, какъ правительство русское оторвало насъ отъ семействъ нашихъ, выславъ насъ въ Польшу. Дома остались жены наши и малыя дѣти. Хозяйства наши поэтому пришли въ разстройство и теперь на проѣздъ за границу наши семьи не могутъ выручить необходимыхъ денегъ изъ своихъ разстроенныхъ хозяйствъ.

Меодій Матвѣенко, Яковъ Суржикъ, Антонъ Твердохлѣбовъ, Іосифъ Турчинъ и Игнатъ Ольховикъ, всѣ мы просимъ васъ, дорогіе друзья, если есть возможность, не оставьте безъ помощи семейства наши, откликнитесь на нашу просьбу.

Семейство Меодія Матвѣенко состоитъ изъ 6 душъ: жена, сыль 21 года, дочь 15 лѣтъ и сыновья: 10 лѣтъ, 7 лѣтъ и 5 лѣтъ. (На проѣздъ хватитъ средствъ для двоихъ).

Семейство Антона Твердохлѣбова состоитъ изъ 3 душъ; 2 дочери: 17 лѣтъ и

10 лѣтъ и сына 15 лѣтъ. (Средствъ нѣтъ никакихъ).

Семейство Якова Суржика состоитъ изъ 5 душъ: три дочери; 16 лѣтъ, 14 лѣтъ и 6 лѣтъ и двѣ взрослыхъ сестры. (Хватитъ денегъ для перевоза двоихъ).

Семейство Голифа Турчина состоитъ изъ 7-ми душъ: братъ съ женою и 5 дѣтей: мальчики 16 лѣтъ, 13 лѣтъ и 3 лѣтъ и дѣвочки 9 и 6 лѣтъ. (Хватитъ средствъ на троихъ).

Семейство Игната Ольховика состоитъ изъ 6-ти душъ: жена съ четырьмя малолѣтними дѣтьми (не старше 10-тилѣтнаго возраста) и братъ Иванъ 22 лѣтъ. (Хватитъ на проѣздъ двухъ).

Меодій Матвѣенко.

Яковъ Суржикъ.

Антонъ Твердохлябовъ.

Юсифъ Турчинъ.

Игнатъ Ольховикъ.

Семейства наши находятся въ Харьковской губернии, Сумскомъ уѣздѣ, въ селеніи Рѣчки.

Въ редакціи „Свободной Мысли“ принимаются пожертвованія:

- 1) На устройство духоборцевъ въ Канадѣ.
- 2) На помощь гонимымъ за вѣру въ Россіи.
- 3) На расширеніе издательской дѣятельности „Свободнаго Слова“.

ИЗДАНИЯ ШВЕЙЦАРСКАГО ОТДѢЛА „СВОБОДНАГО СЛОВА“

- | | Цѣна.
fr. s. |
|--|-----------------|
| 1. Конференція въ Гаагѣ. Обмѣнъ мнѣній шведскаго общества и Л. Н. Толстого. | 0.50 |
| 2. Что такое искусство? Л. Н. Толстого. Дополненія и исправленія къ русскому изданію искаженному цензурой. | 1.00 |
| 3. Правда о Вибліи. Дж. Гопса. Переводъ съ англійскаго. Ц. Винеръ. | 1.50 |
| 4. „Свободная Мысль“ за 1899 г. №№ 1—5 | 2.50 |

Принимается подписка на 1900 годъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА „СВОБОДНОЕ СЛОВО“

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДВА НОВЫХЪ ИЗДАНИЯ РОМАНА

Льва Николаевича Толстого

„ВОСКРЕСЕНІЕ“

1. Въ двухъ томахъ са толстой бумагѣ съ 33 иллюстраціями художника Л. О. Пастернака.

Цѣна:

Въ обложкѣ: 4 руб. — 10 фр. 50 с.

Въ переплетѣ: 5 р. — 13 фр. 25 с.

2. Удешевленное на тонкой бумагѣ въ одномъ томѣ.

Цѣна 1 руб. 25 к. — 3 фр. 30 с.

Можно покупать и выписывать изъ редакціи „Свободной Мысли“ Paul Virekoff, Ancienne route de Bernex, 49. Opex, près de Genève. Въ редакціи „Своб. Мысли“ имѣется также нѣкоторый запасъ отдѣльныхъ выпусковъ 1-го изданія, цѣною по 50 сент. за выпускъ для пополненія разрозненныхъ экземпляровъ.

Всѣ изданія, какъ англійскаго, такъ и швейцарскаго отдѣла „Свободнаго Слова“ можно получать въ Парижѣ въ книжномъ магазинѣ:

Société Nouvelle de librairie et d'édition.

Rue Cujas, 17, Paris.

(Улица Кюжась близъ Пантеона).

Редакторъ-издатель П. Вирюковъ.

Imprimerie Ukrainienne. R-te Caroline 11. Genève.